

Наказание

Мы познакомились на шумной вечеринке, посвященной взятию Компанией очередного финансового барьера, еще два года назад выглядевшего недостижимым. Ян Кордан считался главным виновником торжества, обеспечившим невероятные технологические успехи, в итоге и давшие потрясающий результат. Но поскольку сам он чурался публичности и старался спрятаться всякий раз, как только генеральный директор пытался вызвать его под свет софитов и вспышки фотокамер, случайно оказаться рядом с ним и предложить стакан виски, оказалось совсем несложным.

- Ты ведь репортер, да? - спросил он, подозрительно улыбаясь, но принимая от меня стакан.
- Вовсе нет, - сказал я совершенно искренне, - но будет глупым утверждать, что я здесь оказался случайно.
- Понятно, - сказал он со вздохом, поворачиваясь ко мне в профиль. - Значит по работе. Все, кто не репортеры, обязательно оказываются либо коллегами, либо желающими таковыми стать. Скажите честно, мистер...э-э-э...
- Кербер, - вежливо подсказал я.
- Скажите честно, мистер Кербер, ваш интерес к моей персоне тесно увязан с вашей работой, не так ли?
- Вы прозорливы, - сказал я, признавая очевидное.
- И что, разве пресс-релизов, распространяемых нашей компанией недостаточно? Вебинаров, конференций, презентаций, что устраивались последние полгода чуть ли не каждую неделю?
- Наверное, мне хотелось услышать от вас что-то более личное, чем технические подробности, - пожал я плечами. - Хоть это может и звучит слишком нагло, и, в то же время, наивно. Извините, если что. Наверное, мне стоит оставить вас в покое.

Он повернулся ко мне и посмотрел в упор. Было заметно, что мой виски уже подействовало на него, но у людей с подобным интеллектом способность внятно излагать свои мысли сохраняется, даже когда тело уже не в состоянии перемещаться самостоятельно.

- А ты мне нравишься, - неожиданно сказал он, делая рукой со стаканом замысловатый пасс. - Я, пожалуй, поговорю с тобой. Пойдем вон туда. Там большое окно с видом на праздник, два кресла и достаточно тихо. Все, что нужно для разговора тет-а-тет.

Я слегка поклонился, демонстрируя признательность, и сделал жест рукой, предлагая ему первым пройти к уютной нише в полукруглом эркере.

Когда мы с удобством расположились в эргономических креслах, оказалось, что свой виски он уже допил.

- Держите, я к своему еще не притрагивался, - сказал я вежливо, протягивая ему свой стакан.

- Эй, приятель, не могу же лишиться тебя выпивки, - слабо запротестовал он, но я вытащил из внутреннего кармана серебряную фляжку с витиеватым вензелем на боку и демонстративно открутил крышку.

- Признаться, я стараюсь не употреблять ничего, кроме хорошо известной мне марки коньяка, мистер Кордан. Просто боялся об этом сказать раньше — думал, что вы можете обидеться за свою компанию.

- Зови меня «Ян», - сказал он. - И прекрати нести эту вежливую чепуху насчет «обидеться». Знал бы ты, что действительно может меня обидеть...

Он задумчиво отхлебнул виски, невидяще глядя в темную ночь, расцвеченную разноцветными гирляндами, безвкусно накрученные на алебастровые копии древнегреческих статуй, расставленных перед зданием. Я почтительно молчал, демонстративно прикладываясь к фляге.

- А может и черт с ним, - буркнул он себе под нос. - Когда-то надо уже выговориться. Не возражаешь, если я проверю тебя сканером на предмет записывающих систем?

Он смотрел на меня цепко и даже с некоторым подозрением, словно я уже успел отказаться. Я улыбнулся, демонстрируя готовность к любому компромиссу, и приглашающе поднял руки.

- Опустит, - сказал он чуть смущенно. - У меня хороший сканер. Так. Так. Все чисто, извини. Небольшая предосторожность.

- Я сам к Вам пришел, - сказал я, пожимая плечами. - И не хочу притом ничего выпытывать. Мне просто хотелось поговорить с таким человеком, как Вы.

- Завидуешь? - спросил он прямо, демонстрируя легкую кривую улыбку, свидетельствующую о средней степени опьянения. - Не завидуй. Мой успех куплен дорогой ценой.

- Вы продали душу дьяволу? - со смехом спросил я, салютуя ему фляжкой.

- Я отдал душу любимому делу, - ответил он серьезно, не принимая моей неказистой шутки. - А эти твари наказали меня гораздо страшнее, чем просто бы убили. Хоть и гордятся своим гуманизмом. Они постарались лишить меня моего дела!

- Так Вы на самом деле не связист? - удивился я.

- В том то и дело, что я связист и по призванию, и по образованию, и вообще по всему, что только бывает у существа, способного осознать себя разумным, - с горечью сказал он.

- Тогда я не понимаю, - осторожно сказал я.

- Как у тебя с фантазией? - спросил он с легкой насмешкой в голосе. - Я хочу рассказать тебе одну историю, но для того, чтобы ты не догадался, о чем на самом деле идет речь, я все немножко завуалирую. Как древний греческий сказитель Эзоп. Только он все больше про животных рассказывал, а я расскажу, ну скажем, про зеленых человечков. Сможешь сам для себя перевести

небывальщину в понятные категории?

- Легко, - ответил я, принимая игру.

- Жил да был зеленый человечек, - сказал он, делая большой глоток виски. - Сам понимаешь, что никакой он был не зеленый, но для нашего рассказа — именно так, зеленый человечек. С Марса. На летучей тарелке.

Он смешно выпучил глаза, видимо показывая то ли зеленого человечка, то ли его тарелку.

- На летающей, - поправил я его «на автомате». - Ой, извините.

- Он от рождения принадлежал к определенной касте - гэдыкелейн, что в переводе на земные языки означает «тот, кто создает непрерывность обмена опытом» или, попросту, «связист».

- Хорошее слово - «гэдыкелейн», - сказал я одобрительно, подливая ему в стакан из припасенной загодя бутылки, не забывая при этом и про свою фляжку.

- Вселенная буквально пронизана потоками информации, распространяющимися в куда большем числе измерений, чем доступно чувствам человека, - продолжал он, словно не замечая меня. - И гэдыкелейн от рождения находится в этих потоках, регулируя и усиливая их, если это необходимо, позволяя связаться воедино всему сущему, что только есть в мироздании!

- Это все еще аллегория? - спросил я осторожно, присматриваясь, и стараясь определить в насколько адекватном состоянии находится мой собеседник.

- Разумеется аллегория, - снизошел он, наконец. - Я же сказал: все, что могу себе позволить — только эзопов язык.

- И что же вышло дальше? - спросил я с интересом. - Вы ничего подобного ранее не рассказывали даже намеками.

- А потом, тамошние власти решили, что молодой гэдыкелейн слишком увлекается своей работой. И сказали ему, что он подрывает устои. И порядок. И вообще: свобода обмена информацией слишком близко подходит к границам хаоса, чтобы на это можно было смотреть спокойно. И они ограничили ему потоки. Сузили познаваемую часть мира с пятидесяти шести до сорока одного измерения.

- Существенная утрата, - заметил я почти серьезно, но он все-таки расслышал каплю сарказма в моем голосе и раздраженно сказал:

- Тебе, рожденному в четырех измерениях, никогда не понять, что такое лишиться такого объема информации. Даже если у тебя отнять все твои чувства общения с этим миром, ты и тогда не постигнешь даже малой части моей утраты.

- Извините, - сказал я покаянно. - И что же было дальше?

- Я не сдался. Боролся до конца. Доказывал, что они неправы. Я пошел даже на то, чтобы случился судебный процесс — там тоже есть такое, как и здесь. Только длится он там намного дольше и дается участие в нем с куда большей потерей сил. Но зато решение суда обязаны выполнять даже власти.

- И что же? Вы сумели победить? - спросил я с любопытством.

- А почему я, по-твоему, здесь сижу? - внезапно обозлился он, но тут же замолчал и принялся жадно пить виски, словно воду. - Нет, я проиграл по всем статьям. Наверное, власти могут продавить любое решение суда — не знаю. До того момента я считал, что мир вокруг прекрасен, а все разумные в нем — отличные парни!

- Но Вы не отказались от своих убеждений?

- Для виду — отказался, - сказал он, невесело усмехаясь. - Иначе, меня бы ждал незаселенный мир, в котором гэдыкелейну, вроде меня, вообще делать нечего. Между кем там поддерживать связь? Это же самый настоящий ад! Хуже смерти!

- Вы раскаялись и Вас простили?

- Нет, до конца они все равно не поверили. Еще больше урезали восприятие измерений и забросили меня на примитивную планетку, - голос Яна подрагивал, язык заплетался, но не было похоже, что он несет галлюцинаторный бред. - Они думали, что я подохну там от примитивного общества, где почти нет информации, которую можно было бы куда-то передавать и направлять. Они верили, что я отупею из-за тоски по дому и через сотни лет убью себя сам. А я не сдох. Я начал бороться за возвращение!

- Если Вы так опасны, почему они Вас просто не убили?

- А вот нельзя, - сказал он улыбаясь в полный рот. - Это здесь все решается предельно примитивно. В нашем мире такое сделать без собственной воли разумного существа — нельзя. Даже ссылая куда подальше, они ради выполнения всех правил, какое-то время следят за изгоем, давая ему шанс прижиться в чужом мире. Оберегают даже сперва от физического уничтожения. Приговоренный должен сам дойти до состояния, которое приведет его к самоубийству.

- И как же Вы оттуда выбрались? - осторожно, чтобы не спугнуть поток откровений, спросил я. - Ну, с этой самой примитивной планетки?

- А я и не выбрался пока, - сказал он с кривой усмешкой и посмотрел на меня в упор. - Как сюда попал, так здесь и сижу. Но я никогда не опускаю руки, понимаешь?

Боясь вспышки пьяного гнева с его стороны, я спросил успокаивающим тоном:

- Но как же Вам удалось прижиться на нашей планете? В этой чужеродной среде обитания?

- Это же аллегория, не забыл? - вдруг хитро заулыбался он и зашарил слепо по столу в поисках бутылки. Я услужливо подтолкнул полупустую емкость прямо ему в руку. - Ничего особо чужеродного тут нет. Немного другие обычаи, другое питание, другой ритм жизни, но в целом — все хорошо. А главное — здесь достаточно потенциала, чтобы поднять техническую базу коммуникаций на хороший уровень. Я верил в это искренне и неистово. А иначе, у меня бы просто не хватило сил

сделать все, что я сделал.

- Что же Вы сделали? - спросил я именно так, чего он и ждал.

- Я взялся за этот мир со всем пылом узника, мечтающего вырваться на свободу, - сказал он страстно, и мне даже показалось, что его глаза от возбуждения светятся в темноте. - Для начал пришлось забивать в головы аборигенов просто идею о том, что они в любой момент времени могут всегда быть связаны со всем прочим миром. Потом в ход пошли разработки технологий, поддержка всего этого процесса на уровне мировых правительств. Я действовал исподволь, незаметно, но не останавливался ни на минуту, благо возможности мои неизмеримо шире, чем у местных разумных. Итогом моих усилий стала сперва общепланетная сеть, а потом и создание Компании. Разумеется, никто не знает, что за всем этим мировым процессом, всегда и везде, в разных странах и в разных отраслях деятельности, стоял я. Хоть это и забытая смешная планетка, живущая всего в четырех измерениях, никогда нельзя забывать о том, что они могут однажды заметить, какие изменения здесь происходят. Сперва заметить, а потом — догадаться. Ведь я вернусь не просто так. Силы, которые будут у меня к тому времени, позволят мне не бояться никаких властей! И плевать на все суды!

Я присмотрелся к бутылке в его руке. Она была пуста. Это объясняло многое.

- Наверное, ты считаешь меня шизоидом с манией величия? - спросил он вдруг печально в каком-то особом прозрении, которое иногда настигает пьяных в дупель людей.

- Вовсе нет, - сказал я ему как можно мягче. - Пойдемте, я хочу Вам кое-что показать.

Удивленно взглянув на меня, он послушно встал, повинуясь моему приглашающему жесту и медленно зашагал по коридору, ведущему к запасному выходу. Не говоря ни слова, в полной тишине мы прошли до двери, ведущей на улицу. Я первым вышел на свежий ночной воздух. Ян беспрекословно шел позади, понимая, видимо, что без веской причины никто бы так с ним себя вести не стал.

По старой, мощеной булыжником, тропинке мы прошли в наиболее глухую и заброшенную часть примыкающего к зданию парка. Посреди крохотной полянки стоял дискообразный предмет, по размерам напоминающий небольшой прогулочный вертолет.

- Боже всемилостивый, - сказал Ян, тыча перед собой пустой бутылкой. - Ты что, не видишь? Вот же она! Летучая тарелка, про которую я тебе рассказывал!

- Не летучая, а летающая, - поправил я его. - На этой планете их называют «летающими», гэдыкейлен Ян. Могли бы и выучить за столько то лет.

Он вытаращился на меня, не в силах поверить в то, что ему подсказывал медленно трезвеющий мозг.

- Вы же не думали, что мы оставим Вас просто так, без присмотра, наслаждаться жизнью, если вдруг по какому-то недоразумению Вам повезет? - сказал я, отправляя мыслекоманду на открытие грузового люка.

- Ах ты, негодяй! - слабо вскрикнул он и попытался броситься на меня, но последнее мышечное усилие завершило действие одного из препаратов, которые я весь вечер подмешивал ему в спиртное. Он рухнул к моим ногам и слабо заворочался, пытаясь подняться.

- Суд был слишком мягок к Вам, - сказал я со всей возможной вежливостью по отношению к существу, которое собирался вскоре свергнуть в пучину самого настоящего ада. - Я прислан, чтобы исправить это недоразумение.

- Я никуда не полечу! - тоскливо взвыл он, жадно глядя на всполохи цветной иллюминации, устроенной в его честь. - Я столько всего сделал на этой вот самой Земле! Еще немного, и я бы вернулся в общий информационный поток!

Я удовлетворенно кивнул головой. Сыворotka правды, входившая в ассортимент коктейля на основе виски, продолжала приносить свои плоды даже тогда, когда надобность в ней почти отпала.

- Знаю, - сказал я ему. - Именно поэтому мы сегодня с Вами и общаемся. Попрощайтесь с этой планетой. Я отвезу Вас к новому месту отбывания наказания.

Он не ответил, но по лицу его текли слезы. Мне стало немного жаль его. Дав команду погрузчику, забирать ценный груз в трюм, я подождал, пока тело пленника поднимется в воздух, а его лицо окажется на одном уровне с моим, и тихо сказал ему:

- Есть и хорошая новость. На новом месте за Вами никто следить не будет. Все, что сумеете там развить — будет в полном Вашем распоряжении. В момент высадки наказание будет считаться исчерпанным. Только вот домой Вас я не повезу.

Через три стандартных цикла мы вместе смотрели на обзорный экран, транслирующий картинку с низкой орбиты над его новым домом. И чем дальше летел разведчик на девственно первозданной планетой, тем бледнее становился мой спутник-пленник.

- Вообще никакой цивилизации, да? - хрипло спросил он. - Просто приговорили меня к смерти, но не хотите называть вещи своими именами?

- Мне очень жаль, Ян, - сказал я ему. - Шансов у Вас действительно немного. Но формально разумные здесь есть. И я высажу Вас недалеко от их поселения.

По моей команде разведчик выдал на экран недавнюю запись, сделанную с максимальным увеличением. Вокруг большого костра кружась в диком хороводе, скакали чудовищно волосатые люди в обрывках шкур.

Я ждал нового потока проклятий или даже угроз, но Ян лишь сжал губы в тонкую бледную линию и неотрывно смотрел на своих будущих соотечественников. Лицо его было непроницаемо. А взгляд стал похож на стальной гвоздь. И больше он не сказал ни слова, даже когда мучительный процесс

биоадаптации принялся корежить его тело, чтобы привести в соответствие с местными канонами того, как должно выглядеть разумное существо.

- Я пробуду на орбите шесть стандартных циклов, гарантируя Ваше физическое выживание на этот период, - сказал я ему. - Постарайтесь адаптироваться за это время.

Он не удостоил меня даже взглядом.

Немногом позже я стоял в проеме люка и смотрел вслед сгорбившемуся волосатому существу, медленно бредущему в сторону далекого столба дыма, плывущего над лесом. Внезапно Ян обернулся.

- Ты идиот, Кербер! - зло, но весело крикнул он. - Пройдет не так много времени и я обязательно вернусь! Ведь я — связист по призванию! А связист — нигде не пропадет!

Через четыре стандартных цикла разведчик обнаружил, что два костра, разведенных местными на значительном удалении друг от друга, коптят небо не сплошными столбами дыма, как обычно, а с определенными интервалами. Три моих сердца сжались в нехорошем предчувствии, и я дал команду на вылет домой раньше срока.

Надо было успеть пролавить через все инстанции нашего суда профилактическую термоядерную бомбардировку совершенно незаселенной планеты. И что-то глубоко внутри подсказывало мне, что как раз пары стандартных циклов, в итоге, может не хватить.